

Поддьяков А.Н. Позитивная психология и проблема зла

English version: [Poddiakov A.N. Positive psychology and the issue of evil-doing](#)

Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

[Статья 2: Психология счастья и процветания и проблема зла](#)

Проведен анализ отношения позитивной психологии к проблеме преднамеренно совершаемого зла, в том числе анализ одного из ключевых тезисов позитивной психологии: «негативная психология» уделяет изучению зла слишком много внимания. Показано, что позитивные психологи либо действительно имеют, либо пытаются создать у читателя представления о мире настолько дружелюбном, что у его представителей нет сколько-нибудь значимых злых намерений, которые необходимо было бы учитывать в практике позитивного отношения к миру и позитивного мышления. В этих условиях одна из самых достойных целей – самосовершенствование и усиление своих позитивных ощущений: при всеобщем следовании этой стратегии человечество придет к праведности, всемогуществу и всеведению. Анализ этих положений показывает, что массовая позитивная психология возможна лишь в благополучном и хорошо защищенном обществе, важной массовой стратегией которого является умалчивание о ситуациях серьезного социального неблагополучия, а в случаях столкновения с ними предлагаются стратегии внутренней работы со своим психологическим состоянием, не предполагающие практической деятельности по противодействию злу. Фактически эта позиция может оказываться аморальной, несмотря на декларативные призывы позитивной психологии к гражданственности и альтруизму.

Ключевые слова: позитивная психология, зло, проблема совершения зла

Мир просто идеален, поэтому не надо его улучшать, все ваши усилия напрасны. Оставьте мир в покое, в конце концов, а на досуге займитесь собой!

Н. Линде. Сутра о счастье

Попытаемся мысленно представить статью под названием «Резня в Кущевской: взгляд с точки зрения психологии личности». Или – «Террористический акт в (указание населенного пункта): подходы социальной психологии».

Изменим теперь области психологии, упоминаемые в этих названиях, на другую область и другой подход. «Резня в Кущевской: взгляд позитивного психолога», «Геноцид и позитивное мышление». Становится ясно, что статьи первой группы возможны, а второй – нет. Почему? Ведь позитивная психология выстраивает здоровое отношение к миру, а является ли частью здорового отношения игнорирование реальности?

И.Бонивелл, исследовательница в области позитивной психологии и ее сторонница, пишет, что

позитивная психология «отвергает озабоченность просто психологии негативными сторонами» [Бонивелл, 2009, с. 18] [1]. Метафорически выражаясь, позитивная психология интересуется тем, как подняться с уровня +2 до +7, а не от –5 до –3 [Селигман, 2006, с. 9]; этот же образ положительных и отрицательных чисел использует и И.Бонивелл [Бонивелл, 2009, с. 12].

Согласимся: довести +2 до +7 – это отличная задача. Но почему при этом надо демонстративно отвергать чужую озабоченность «негативными сторонами»? Да и насколько легко довести +2 до +7, «отвергая озабоченность» и игнорируя ситуации перехода от 0 до –50 (ориентировочное, косвенно установленное по найденным трупам, число девушек, убитых одной из российских банд за отказ заниматься проституцией), перехода от 0 до –????? (неизвестное число пожилых людей, продавших свои квартиры и не доехавших до места нового проживания), до –937000 (официально признанное число жертв геноцида в Руанде) и т.д.?

Как пишет С.Лем, «тот, кто занимается человеческим бытием, не может исключить из порядка этого бытия массовое человекоубийство. Иначе он отрекается от своего призвания» [Лем, 1990, с. 448]. К.Бенсон доказывает, что психологическое и моральное неразрывно связаны, и что важнейшей чертой человеческого Я является способность как к целенаправленной и осознанной работе по расширению и развитию человеческих миров, так и к их целенаправленному аморальному сужению и разрушению. Психология человека не может быть раскрыта вне данной способности [Benson, 2001].

Но у каждой области психологии свой предмет. И позитивная психология занимается не всем человеческим бытием и не всеми человеческими способностями, а «позитивными аспектами человеческой жизни, такими как счастье, благополучие и процветание» [Бонивелл, 2009, с. 12], личными качествами, необходимыми, чтобы быть хорошим человеком, терпимостью, мудростью, талантами (позитивными), позитивными социальными институтами и т.д. Это здорово. Подчеркнем – дело совсем не в том, что позитивная психология не занимается тем, что она называет «негативными сторонами» человеческого существования. Психология спорта тоже ими не специально занимается (хотя периодически вынужденно касается) – и психология дошкольной сюжетно-ролевой игры, и развивающего обучения тоже ими не занимаются и т.д. и т.п.

Но позитивная психология – единственная, которая не просто изучает свой предмет (счастье, благополучие, преуспевание и процветание), но прямо выражает недовольство слишком большим, по ее мнению, вниманием к «патологии», «болезни» со стороны «просто психологии» и «негативной психологии», изучающей психологию зла. Именно в связи с необходимостью анализа этой демонстративной позиции написана моя статья.

Два типа отношения к миру

Начиная по крайней мере с исследований Рут Бенедикт (Ruth В.) в первой трети XX в. в психологии развиваются представления о двух типах отношения людей к миру. Предельно четко эти типы сформулированы в «Учении о трех мирах», созданном персонажем-философом в одном из романов С.Лема [1990].

В благосклонном мире:

легче творить, чем уничтожать;
легче осчастливить, чем мучить;
легче спасти, чем погубить;
легче оживить, чем убить.

В неблагосклонном мире:

легче уничтожать, чем творить;

легче мучить, чем осчастливить;
легче погубить, чем спасти;
легче убить, чем оживить.

В нейтральном мире одинаково легко (трудно) и то, и другое.

Аналогично, в работах психологов [Дружинин, 2000; Ениколопов, 2011; Поддьяков, 2007; Lee, 1995; Werner, 2004; Zabielski, 2007] рассматриваются и сопоставляются:

- отношение к миру как в целом гармоничному, с низкой конфликтностью, где преступления и даже серьезные конфликты
- отступление от нормы;
- отношение к миру как к наполненному противоречиями и конфликтами, недружественностью, которая если и не доминирует, то не может быть проигнорирована.

Так, С.Н.Ениколопов [2011] анализирует концепцию С.Эпштейна [Epstein, 1991], в соответствии с которой люди автоматически конструируют имплицитную «теорию реальности». В нее входят следующие основные блоки: теория собственного «Я», теория окружающего мира и теория отношений между «Я» и миром. Личностная теория реальности задает отношение к миру как к доброжелательному или несущему угрозу; как к осмысленному, предсказуемому, контролируемому, стабильному и справедливому или же наоборот; отношение к другим людям как к доброжелательным, не несущим угрозы, или же потенциально угрожающим.

Образы мира позитивной психологии и ее отношение к добру и злу: явные формулировки

Далеко не во всех работах по позитивной психологии, психологии счастья и процветания можно найти формулировки, в которых явно сформулировано отношение к проблеме добра и зла, а не просто выражено недовольство «негативной психологией». Мы отобрали те работы, в которых авторы занимают по отношению к этой проблеме рефлексивную позицию и стремятся донести ее до читателя.

С точки зрения двух представленных типов отношения к миру взгляды психологов, занявших эту рефлексивную позицию, можно разделить на несколько групп, в зависимости от того, как они оценивают:

- ныне существующий мир;
- необходимость и возможность его изменения;
- способы этого изменения (если оно вообще необходимо).

1. Позиция «Мир просто идеален, поэтому не надо его улучшать, все ваши усилия напрасны» (Н.Линде).

Н.Линде пишет: «Как говорил мой гуру, "врата ада заперты изнутри". А если они заперты изнутри, то как Бог может вывести оттуда людей? Им хочется там находиться, и они держат круговую оборону, чтобы только не попасть в рай. Как может попасть в рай гневный человек? Как может попасть туда подавленный человек? Как может это сделать пораженный страхами и тревогами человек? Как может попасть туда вечно сражающийся человек? В раю нет атомных боеголовок! Но есть люди, которые так держатся за боеголовки, что не могут пролезть в рай! Самый лучший способ избавиться от войны и боеголовок – научиться жить в раю и научить этому своих врагов.

Если все будут жить в раю, не нужны будут боеголовки и не будет никаких врагов. А если враги – такие дураки, что не хотят жить в раю, то им же хуже, хотя и жаль» [Линде, 2009].

Про преступность и преступников Н.Линде не пишет, но позиция, логически рассуждая, и здесь должна быть такая же. Если не хотят жить в раю, то пусть насилуют, грабят, убивают и делают всё остальное, что считают нужным, – хотя и жаль.

2. Позиция «Мир не идеален, но закономерно идет к лучшему». Стремясь к счастью и совершенствуя себя, мы работаем не просто на будущее благоденствие человечества, а на его всемогущество, всезнание и праведность.

Эту позицию отстаивает М.Селигман. Он пишет, что по мере развития человечества количество и значимость беспроектных, а не антагонистических игр всё более нарастает. (Это перекликается с аргументацией А.П.Назаретяна [2010], что физическое насилие по мере развития цивилизации применяется все в меньшей степени, и К.Бенсона, что представления об отвратительности преднамеренно причиняемых страданий получают, очень медленно и постепенно, все большее распространение [Benson, 2001]).

Сочувственно пересказывая положения Б.Райта, М.Селигман пишет: «Исторический прогресс – это не скорый поезд, а, скорее, упрямый осел: иногда он отказывается тронуться с места, а иногда и вовсе поворачивает назад. Но, несмотря на такие "остановки", как холокост, инфекционный терроризм и геноцид тасманских аборигенов, мы все-таки движемся в направлении беспроектности» [Селигман, 2006, с. 329]. «Процесс усложнения преследует ни много ни мало, а обретение всезнания, всемогущества и праведности. Мы до этого не доживем, как не доживет и все современное человечество. Лучшее, что мы можем сделать, – способствовать прогрессу. Благодаря этому у нашей жизни появится смысл. Осмысленной жизнь становится, когда мы чувствуем себя частью чего-то большего, – и чем больше это целое, тем более глубоким смыслом полнится наша жизнь. Стремление постичь Бога, наделенного всезнанием, всемогуществом и праведностью, делает нашу жизнь частью огромного целого... Полноценная жизнь – в том, чтобы идти к подлинному счастью, неизменно применяя свои индивидуальные достоинства. Но жизнь, исполненная высшего смысла, требует соблюдения еще одного условия – использования лучших своих качеств во имя человеческого знания, могущества и праведности. Такая жизнь воистину исполнена высшего смысла, а если в конце концов в ней появляется Бог, то и священна» [Там же. С. 335–336].

3. Позиция «Вселенная не враждебна и не дружелюбна к нам, она просто безразлична. Состояние потока, позитивные эмоции, как и всё на свете, не являются чем-то хорошим в абсолютном смысле – в зависимости от того, на какие цели направляется энергия, жизнь становится неисчерпаемым кладом богатства или же страданий; наша задача – научиться получать радость от повседневности, не мешая другим заниматься тем же».

Это позиция одного из основателей позитивной психологии М.Чиксентмихайи (Csikszentmihalyi М.). Другие позитивные психологи ссылаются на него очень избирательно и осторожно – подчеркивая одни фрагменты его подхода (например, рассмотрение потока как источника позитивных ощущений) и тщательно, даже искусно обходя, как мы покажем ниже, другие составляющие этого подхода – в том числе явное внимание к негативным сторонам человеческого бытия, совершенно не свойственное большинству позитивных психологов.

А именно, М.Чиксентмихайи пишет, что в состоянии потока, позитивных эмоций и даже счастья пребывали, вероятно, и маркиз де Сад, и простой китайский рубщик мясных туш, и зрители гладиаторских боев, и воины Золотой Орды, прославившиеся своей жестокостью, а также пребывают ныне современные солдаты, уничтожающие противника; преступники, угоняющие машины; участники массовых актов вандализма и т.д. [Чиксентмихайи, 2011, с. 116–119]. Он считает, что необходимо учитывать общий баланс порядка и хаоса, создаваемого разными людьми и социальными группами, стремящимися к достижению противоположных целей. Общество должно

способствовать максимально возможному достижению целей всех членов, минимизируя хаос. При этом, как подчеркивает М.Чиксентмихайи, и это не гарантирует этичности происходящего, поскольку может достигаться за счет других обществ (нацизм).

Образы мира позитивной психологии: не обсуждаемое и имплицитное

Для понимания того или иного подхода важны не только его явные формулировки, но и их операционализация в методических подходах, отборе примеров и ситуаций для анализа, купюрах при цитировании и т.п.

Читая книгу И.Бонивелл «Ключи к благополучию: Что может позитивная психология», вы найдете цитату М.Чиксентмихайи о том, что переживание потока не является абсолютным добром, его последствия надо обсуждать и оценивать, исходя из более общих критериев, и найдете пару подтверждающих примеров: игровая зависимость подростков и трудоголизм менеджеров [Бонивелл, 2009, с. 18]. Ничего более серьезного. Ведь позитивная психология, с одной стороны, и упоминание де Сада с его специфическим переживанием потока, с другой, есть вещи несовместные. «Что может позитивная психология?» – спрашивает в названии своей книги И.Бонивелл. Ответ – она может срезать ключевые положения и примеры («кейсы») своего отца-основателя, если они не укладываются в позитивную картину. Это часть позитивной работы – особой деятельности по созданию оптимистического образа мира.

При этом И.Бонивелл совершенно справедливо пишет, что «в серьезных травматичных ситуациях (таких, как смерть, пожар, наводнение или изнасилование) оптимисты могут показаться неподготовленными, и тогда их прекрасный розовый мир рискует разбиться вдребезги (хотя оптимисты по сравнению с пессимистами лучше приспособлены к тому, чтобы выстроить его заново)» [Бонивелл, 2009, с. 33]. Но ни в этой книге, ни в других книгах по позитивной психологии вы не найдете указаний на то, что способы совладания в ситуациях, вызванных чужими преднамеренными действиями (убийство, поджог, предательство), могут и часто должны быть особыми.

Позитивная психология может дать рекомендации жертве изнасилования, как ей справиться с произошедшим и счастливо жить дальше, но не дает рекомендаций, что делать, если на твой поселок набеги бандитов совершаются регулярно, и избиения, грабежи, насилие продолжаются постоянно при попустительстве тех, кто призван тебя защищать. Ведь возможный совет «Немедленно обратитесь в полицию» рассчитан на социальные институты, работающие в позитивном ключе. Именно такие институты интересуют позитивных психологов. Отклонения в работе этих институтов (свидетельством чего и являются набеги банд) не просто не интересуют – даже само внимание к этим отклонениям со стороны представителей «просто психологии» кажется чрезмерным и вызывает сожаление у позитивных психологов (этим сожалением в общем плане делится с читателем М.Селигман).

На первый взгляд, решение данного парадокса этической слепоты простое. И.Бонивелл пишет: «Западный мир уже давно перерос те причины, которые лежали в основе исключительно медицинской модели психологии». Настало время «узнать о нормальной и успешной жизни нормальных и успешных людей, а не только о жизни тех, кто нуждается в помощи», «о великом искусстве жизни, которой живут люди в каждом уголке планеты». Конечно, отождествление западного мира с каждым уголком планеты – искреннее заблуждение, и дело отчасти в этом. Но лишь отчасти – как уже сказано, это было бы слишком простое решение. Позитивная психология не просто не знает, но и *не хочет знать* хоть что-то, что связано с неблагополучием, в том числе социальным.

Один из примеров: как-то мне довелось быть оппонентом в паре с позитивным психологом на защите диссертации, посвященной представлениям людей о профессионале. Я сказал, что актуальность проблемы профессионализма в значительной мере связана с острой актуальностью проблемы непрофессионализма (как раз незадолго до этого произошла крупная катастрофа, свидетельствующая о непрофессионализме как минимум на нескольких уровнях) и интересно было бы сопоставить представления людей о профессионализме и непрофессионализме. Выступавший вслед за мной позитивный психолог сказал, что первый оппонент стал говорить о непрофессионализме и о представлениях людей о нем, но это не актуально. Сейчас ведь активно развивается позитивная психология, которая призывает видеть хорошее, а не отклонение и патологию. Я не стал вступать в дискуссию на защите, но мое мнение лишь укрепилось: от того, что мы откажемся видеть непрофессионализм и зажмуримся, самого непрофессионализма меньше не станет.

В тех очень редких случаях, когда позитивные психологи пишут не вообще о жизненных неприятностях, стоящих на пути к счастью, а о столкновении с активным злом, описываемые ими примеры совладания отличаются одной своеобразной особенностью. В этих примерах люди не борются со злом, а занимаются собой – находят себе отвлекающее занятие. М.Чиксентмихайи подобрал следующие примеры. Американский летчик во вьетнамском плену бесконечно разыгрывает мысленные партии в гольф и благодаря этому после освобождения блестяще играет реальную партию; венгерские политзаключенные в тюрьме организовали конкурс на лучший поэтический перевод; Ева Цезел, сидевшая в тюрьме на Лубянке, мысленно собирала настенные светильники из подручных материалов; А.Солженицын, в отличие от тех, кто пытался спастись, бросаясь на колючую проволоку, периодически впадал в состояние мысленного полета, «унесенности» прочь; и т.п. [Чиксентмихайи, 2011, с. 116–150].

После этих описаний М.Чиксентмихайи дает очень интересный абзац: «Ричард Логан проанализировал записи многих людей, переживших невыносимые ситуации, в том числе работы Виктора Франкла и Бруно Беттельгейма, размышлявших об источниках внутренней силы людей в экстремально тяжелых обстоятельствах. Оказалось, что всех "выживших" объединяла одна общая черта: "неэгоцентричный индивидуализм", т.е. наличие важной цели, стоящей выше личных интересов. Такие люди не оставляют усилий, даже оказавшись в практически безнадежных обстоятельствах. Внутренняя мотивация делает их стойкими перед лицом внешних опасностей. Обладая достаточным количеством свободной психической энергии, чтобы объективно анализировать ситуацию, они имеют больше шансов обнаружить новые возможности для действий» [Чиксентмихайи, 2011, с. 150].

Итак – объективный анализ и обнаружение возможностей для действий. Но где же, где сами эти действия, ради которых были необходимы мысленный улет и фантазии? Здесь обрыв – примеров и описаний таких действий нет! Полемически заострим суждение: советский летчик М.П.Девятаев, проведенный больше полугодом в нацистском плену, сумевший собрать группу из других пленных и захватить немецкий самолет, за минуты разобраться в устройстве этой неизвестной ему системы (он тоже мысленно предварительно проигрывал – но не партии в гольф, а действия в самолете), сумевший уйти от воздушной погони и долететь до советской стороны, для М.Чиксентмихайи менее интересен, чем другой летчик – всё время нахождения в плену мысленно игравший в гольф, кем-то освобожденный и затем продолжающий играть уже на свободе. Может быть, М.Чиксентмихайи и не знает конкретно про М.П.Девятаева – но он, что по-настоящему удивительно, как бы не знает и про другие случаи такого же рода, в которых был не только мысленный «улет».

Аналогично, М.Селигман предваряет свою книгу замечательным эпиграфом (стихотворение Марвина Левина «Трансцендентность»), в котором есть такие строки:

И мы сумеем изменить себя
И, руки протянув через решетки,

Друг друга вызволить из плена.

Но и у М.Селигмана нет примеров взаимопомощи и реального сопротивления – речь идет о вызволении друг друга из духовного плена прежних стереотипов.

В целом создается впечатление, что про жизнестойкость и гибкость (resilience) эти авторы знают, а вот про сопротивление (resistance) – как бы нет или же настолько мало, что писать позитивным психологам не о чем и незачем.

Н.Линде пишет: «Те, кто хочет “раскорючить” этот мир, пытаются все разложить по полочкам, все проконтролировать, все спланировать. Они хотят превратить мир в идеально работающий механизм, соответствующий их представлениям о правильной жизни. Это стремление имело огромное значение для жизни всего человечества. Коммунисты хотели “раскорючить” мир по-своему, а фашисты – по-своему. Что из этого получилось, всем известно, но ведь они исходили из гуманистического стремления людей 18-го века все подчинить разуму, отказаться от Бога и от бессознательного!» [Линде, 2009].

Отношение Н.Линде не к фашистам, а к антифашистам остается неизвестным. Они тоже должны были оставить мир в покое и ничего не пытаться раскорючить?

Отчасти похоже на рассуждение Н.Линде о попытках перестроить мир суждение случайно выжившего узника концлагеря – персонажа С.Лема. «Последствия гуманистических систем были, в сущности, нулевыми, а последствия тех, других, наподобие нищеванской, были кошмарны, и даже заповедь любви к ближнему, а также программу построения земного рая удалось переделать в довольно-таки массовые могилы». Но вывод у этого персонажа принципиально другой: «Конечно, сделать невозможным причинение зла – тоже зло для многих людей, тех, которые очень несчастны без несчастья других. Но пусть уж они будут несчастны» [Лем, 1990, с. 243–247].

Критикуя положения позитивной психологии, Р.Лазарус пишет: «Жестокость, убийство, рабство, геноцид, предрассудки, дискриминация и, что, может быть, хуже всего, безразличие к человеческому страданию, имеются в изобилии и сегодня, и имелись в предшествующие столетия. Читая о многочисленных проявлениях социального зла, мы должны быть признательны множеству людей за их героические добродетели, мобилизованные в ответ на это зло» [Lazarus, 2003a, p. 107].

Между тем позитивные психологи тоже пишут (обычно коротко, во введении и заключении) о гражданственности и альтруизме, но вы не найдете в этих текстах примеры такой гражданственности и такого альтруизма, которые привели бы к сколько-нибудь значимым потерям для гражданина и альтруиста.

Во многих текстах по позитивной психологии есть ссылки на необходимость понимания другого и развитие социального интеллекта. Но вы не найдете там примеров работы социального интеллекта, связанной с пониманием чужих недобрых намерений и действий. Максимально напряженная ситуация – взаимное непонимание, но не недоброе намерение.

Значит ли это, что и сами позитивные психологи в случае угрозы не готовы проявить нечто большее, чем просто терпеливую жизнестойкость? Что они не могут активно (а не только внутренним улетом в позитивное переживание) реагировать на чужие действия, оцениваемые ими как опасные, враждебные? Напротив – могут и готовы. Р.Лазарус [Lazarus, 2003a] опубликовал статью с критикой позитивной психологии в журнале *Psychological Inquiry*, а ведущие позитивные психологи в этом же номере – свои статьи-комментарии. Эти комментарии были сделаны в таком ключе, что Р.Лазарус в резюмирующей статье помимо содержательного разбора ответов оппонентов делает следующее замечание. После чтения комментариев М.Селигмана и Дж.Павельски [Seligman, Pawelski, 2003], М.Чиксентмихайи [Csikszentmihalyi, 2003] и некоторых других авторов он почувствовал себя так, словно потревожил гнездо шершней, начавших в ответ

жалить враждебного захватчика [Lazarus, 2003b, p. 174, 177]. Он повторил замечание о шершнях дважды в разных местах статьи – это свидетельствует о том, что данное сравнение выбрано им не случайно.

Конечно, критика со стороны Р.Лазаруса была действительно жесткой: он охарактеризовал позитивную психологию как не столько научное, сколько идеологическое движение, род популистской религии, не блещущее интеллектуальной глубиной и пропагандирующее искаженное, сверхупрощенное представление о мире, а также подробно, в деталях разобрал то, что он считает принципиальными методологическими и методическими ошибками этого подхода. Чтобы лучше понять, что собой представляла позитивная психология к началу 2003 г. (позднее часть критики была учтена), стоит прочитать не только тексты ее отцов-основателей, но и статью Р.Лазаруса, полемику по ней и его ответ на реплики оппонентов – «Манифест для позитивной психологии и психологии вообще» [Lazarus, 2003b].

Но пусть даже его критика позитивной психологии была бы по-настоящему отвратительной по содержанию и форме – для нас здесь важно другое. А именно: оказалось, что позитивные психологи (пропагандисты мудрости, позитивных талантов и других добродетелей) используют такие стратегии взаимодействия с оппонентом, что он ощущает себя в гнезде жалящих шершней. Более того, Б.Хелд независимо от Р.Лазаруса также пишет о том, что основатели позитивной психологии стараются позиционировать ее как отдельный, отличный от других подход среди социальных наук и защищать эту территорию, патологизируя представителей «негативной» психологии, которой как таковой до введенного ими различия не существовало. Но это стремление к патологизации того, что ты определил как отличное от твоей области, само выглядит не вполне здоровым [Held, 2004]. «Тирания позитивности», царящая в американской культуре, находит в позитивной психологии свое закономерное концентрированное выражение и еще более усиливается посланиями последней [Там же].

Вернемся к полемике позитивных психологов с Р.Лазарусом. Вообще говоря, то, что они продемонстрировали, – это, скорее, понятная реакция на критику (особенно учитывая вышеописанные претензии позитивной психологии). Но в данном конкретном случае возникает вопрос: входит ли такой образ поведения в число позитивных талантов и добродетелей носителей позитивного мышления? Если да, почему бы этим позитивным психологам не написать в своих текстах что-нибудь вроде следующего: «К сожалению, в некоторых случаях позитивно мыслящие, мудрые личности должны действовать с другим человеком так, чтобы он почувствовал и сказал всем: "Я связался с шершнями"»? Почему бы этого не сделать, просвещая читателя о более широких возможностях мудрого поведения и некоторых особых талантах, раз уж позитивные психологи сами действуют при необходимости именно так? Но ничего похожего на подобный негатив в их текстах вы не найдете, там царит позитив.

В целом тексты позитивной психологии, обращенные вовне (а не критикам), оставляют ощущение «дискурса гламура», если использовать слова В.Пелевина, сказанные не в адрес позитивной психологии, а в адрес ключевой составляющей современной культуры, дополняющей, по В.Пелевину, другую – «гламур дискурса». Работая в этих терминах, выскажу полемическое соображение, что позитивная психология – это философско-психологический дискурс гламура, его философско-психологическое обоснование и «изысканный футляр». В рамках этого дискурса обосновывается мысль, что, стремясь к переживанию позитивных ощущений, повышая комфортность своего существования, ты способствуешь благой, высокой цели – всезнанию, всемогуществу и праведности будущего человечества. Сказав это в начале и в конце книги, автор может посвятить 99% остального содержания тому, как читателю улучшить качество своих позитивных ощущений – улучшить как за счет собственно позитивных ощущений, так и за счет гордого сознания, что внимание к негативному неактуально – эта неактуальность постоянно подчеркивается передовыми учеными.

В связи с этим представляется вполне закономерным высказывание В.Н.Дружинина о

предшественнице позитивной психологии – психологии самоактуализации. «Самоактуализирующиеся личности наделены, согласно Маслоу, массой “положительных” черт. Они более спокойно воспринимают мир вокруг себя, менее эмоциональны и более объективны, беспристрастны, не подвержены надеждам и страхам, стереотипам, не боятся проблем и противоречий. Самоактуализирующийся человек принимает себя таким, какой он есть. У него нет чувства вины, стыда и тревоги. Он ощущает радость жизни. [Он освободил себя “от такой химеры, как совесть”. Ну и мерзавец этот самоактуализирующийся человек!]]» [Дружинин, 2000, с. 67].

К.Бенсон показывает этноцентризм концепции самоактуализирующейся личности и скрытые аморальные последствия ее использования в культурах, отличных от западной. Его вывод: «Это акультурная, антиисторическая психология в полном самоуверенности полете под камуфляжем исторических ссылок» [Venson, 2001, с. 227].

Б.С.Братусь также считает, что гуманистическая психология, несмотря на свое название, внеморальна – это «психология самости как самоцели человека» [Братусь, 1997, с. 12]. Ссылаясь на В.Франкла, он подчеркивает, что «самоактуализация, направленная на самое себя, означает промах в главном», поскольку «центральной, смыслообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку» [Братусь, 1997, с. 8].

Но этого отношения к другому нет и в позитивной психологии. Когда М.Чиксентмихайи пишет через запятую «неэгоцентричный индивидуализм, т.е. наличие важной цели, стоящей выше личных интересов», он смешивает весьма разные вещи. «Неэгоцентричный индивидуализм» означает, что человек умеет «получать радость от повседневности, не мешая другим заниматься тем же». Но наличие важной цели, стоящей выше личных интересов, предполагает нечто иное. Эта важная цель может быть позитивной или же негативной, но в любом случае это не цель неэгоцентричного индивидуалиста.

Пример, который поймет, вероятно, и позитивный психолог, отвергающий озабоченность негативом и болезнями: даже в достаточно повседневной, неэкстремальной ситуации болезни собственного ребенка цель быть счастливым у любящего родителя отступает на второй, десятый план. Социальный и прочий интеллект приходится мобилизовать на другое, а не на то, какие принять меры, чтобы испытывать максимальное счастье.

Заключение

Позитивные психологи либо действительно имеют, либо пытаются создать у читателя представления о мире, дружественном настолько, что у его представителей нет негативных проявлений, сколько-нибудь достойных внимания. Ничего делать не надо, кроме как заняться собой, самосовершенствованием и ощущением счастья.

Эта массовая позитивная психология в ее варианте, разработанном прежде всего для западного читателя, соответственно, и возможна лишь в благополучном и хорошо защищенном обществе. Позитивное мышление, не ведающее о негативных сторонах жизни, особенно хорошо удается тогда, когда, метафорически выражаясь, за спиной у тебя стоит мама с автоматом[2].

При этом позитивная психология помалкивает и отворачивается в ситуациях серьезного социального неблагополучия (они ведь не ее предмет), а когда изредка все-таки высказывается, то предлагает мысленный улет.

Люди же, практикующие то особое позитивное «улетающее» мышление, которое отвергает озабоченность проблемой зла, при нахождении в концлагерях и тюрьмах приближаются к европейским или индийским идеалам святости, аскетизма и непротивления злу насилием, каковые

идеалы вовсе не являются идеалом современного западного общества. Соответственно, эти исключительные примеры, приводимые позитивными психологами как подтверждение универсальности предлагаемого ими подхода, исключительными и остаются. Реальный аскетизм и массовые глянцевого психологические журналы, охотно публикующие тексты позитивных психологов об улучшении позитивных ощущений, есть вещи несовместные.

Осознает ли эти проблемы позитивная психология? Да, в заключении своей книги И.Бонивелл перечисляет ряд проблем, из которых к проблеме добра и зла могут иметь отношение следующие:

- «опасность превращения позитивной психологии в идеологическое движение» («интеллектуальная узость», «заикленность на добровольно возложенной на себя позитивности, ведущая к отсутствию глубины, недостатку реализма и упрощенчеству» [Бонивелл, 2009, с. 164]);
- «предвзятость и односторонность», приводящая к тому, что «негативную психологию», изучающую негативные явления, позитивные психологи начинают вообще игнорировать;
- зависимость от корпоративного финансирования, способная поставить под сомнение объективность и независимость выводов позитивной психологии.

Если эти проблемы не будут решаться, позитивная психология может стать жертвой собственной идеологии [Там же. С. 166].

И.Бонивелл также цитирует жесткую критику оппонентов позитивной психологии – Р.Лазаруса, Х.Теннена и Г.Аффлека [Tennen, Affleck, 2003] и соглашается с ними относительно необходимости синтеза, интеграции позитивной и негативной психологии и их знаний о человеке. «В этом случае позитивная психология, вероятно, перестанет существовать как независимое движение, но это тот итог, на который я больше всего надеюсь», – так, несколько парадоксально для позитивного психолога, завершает свою книгу И.Бонивелл. Можно пожелать, чтобы надежда И.Бонивелл сбылась. Правда, на основе чтения текстов других позитивных психологов не складывается впечатление, что у этого ее желания есть значимое число потенциальных сторонников. Большинство позитивных психологов проблему зла или словно искренне не видит, или же видит, но предлагает отвернуться и думать о приятных вещах. Читателю книг по позитивной психологии остается верить, что это правильная стратегия.

Финансирование

Статья написана в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда 10-06-00294а «Аксиологические основания позитивной психологии: философско-психологический анализ».

От редакции. См. также статью автора:

Поддьяков А.Н. Психология счастья и процветания и проблема зла // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 109-136.

http://www.hse.ru/data/2013/01/16/1303107047/happines_and-evil-doing.pdf

Литература

Бонивелл И. [Boniwel I.] Ключи к благополучию: что может позитивная психология: пер. с англ. М.: Время, 2009.

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. N 5. С. 3–19.

Дружинин В.Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, 2000.

- Ениколопов С.Н.* Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. редакторы А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 308–335.
- Лем С.* [Lem S.] Осмотр на месте // Лем С. Из воспоминаний Йона Тихого: пер. с польск. М.: Книжная палата, 1990.
- Линде Н.* Сутра о счастье. 2009. <http://www.stihi.ru/2009/07/07/1693>
- Назаретян А.П.* Физическое и виртуальное насилие: перспектива взаимовлияния реальностей // Психология нравственности / отв. редакторы А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 418–438.
- Поддьяков А.Н.* Сравнительная психология развития Х.Вернера в современном контексте // Культурно-историческая психологии. 2007. N 1. С. 63–71.
- Селигман М.* [Seligman M.] Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни: пер. с англ. М.: София, 2006.
- Чиксентмихайи М.* [Csikszentmihalyi M.] Поток: психология оптимального переживания: пер. с англ. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.
- Benson C.* The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. London: Routledge; New York: Taylor and Francis, 2001.
- Boniwell I.* What is positive psychology? <http://positivepsychology.org.uk/home/3-brief-news/2-what-is-positive-psychology-.html>
- Csikszentmihalyi M.* Legs or wings? A reply to R.S.Lazarus // Psychological Inquiry. 2003. Vol. 14(2). P. 113–115.
- Duck S.* Strategems, spoils, and a serpent's tooth: on the delights and dilemmas of personal relationships // W.R.Cupach, B.H.Spitzberg (Eds.). The dark side of interpersonal communication. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994. P. 3–24.
- Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory: An integrative theory of personality // R.Curtis (Ed.). The relational self: convergences in psychoanalysis and social psychology. New York: Guilford Press, 1991. P. 111–137.
- Held B.S.* The negative side of positive psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2004. Vol. 44(1). P. 9–46. doi:10.1177/0022167803259645
- Lazarus R.S.* Does the positive psychology movement have legs? // Psychological Inquiry. 2003a. Vol. 14(2). P. 93–109.
- Lazarus R.S.* The Lazarus Manifesto for positive psychology and psychology in general // Psychological Inquiry. 2003b. Vol. 14(2). P. 173–189.
- Lee R.M.* Dangerous fieldwork. London: Sage, 1995.
- Seligman M.E.P., Pawelski J.O.* Positive psychology: FAQs // Psychological Inquiry. 2003. Vol. 14(2). P. 159–163.

Tennen H., Affleck G. While accentuating the positive, don't eliminate the negative or Mr. In-Between // Psychological Inquiry. 2003. Vol. 14(2). P. 163–169.

Werner H. Comparative psychology of mental development. New York: Percheron Press, 2004.

Zabielski S. Deception and self-deception in qualitative research. Paper presented at the conference “Psychology of the coping behavior”, Kostroma, Russia, May 16–18, 2007.

Примечания

[1] Один из поводов, найденных позитивной психологией для отвержения озабоченности «негативными сторонами», состоит в следующем. Анализ публикаций по психологии личности показывает, что значительно большее их число посвящено негативным эмоциональным состояниям и различным отклонениям, чем позитивным состояниям и норме, и этот дисбаланс настоятельно требует корректировки. Данный анализ, видимо, страдает неполнотой. Как подчеркивает С.Дак, исследования в другой области – психологии межличностных отношений – демонстрируют противоположную тенденцию: значительно больший перевес текстов о позитивных сторонах этих отношений, чем о негативных, что должно служить обоснованием более детального изучения именно последних [Duck, 1994].

[2] Чтобы лучше понять эту метафору, надо прочитать фантастико-юмористический рассказ: Джеймс Т. Что нам делать теперь?: пер. с англ. http://www.gramotey.com/?open_file=1269066454

Поступила в редакцию 7 февраля 2011 г. Дата публикации: 14 апреля 2012 г.

Сведения об авторе

Поддьяков Александр Николаевич. Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), ул. Мясницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия.

E-mail: apoddiakov@hse.ru

Web-страница: <http://www.hse.ru/org/persons/66820>

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Поддьяков А.Н. Позитивная психология и проблема зла. Психологические исследования, 2012, № 2(22), 1. <http://psystudy.ru.0421200116/0013>.

ГОСТ 2008

Поддьяков А.Н. Позитивная психология и проблема зла // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421200116/0013.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)